

В Е С Т Н И К ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

№ 2 ■ 2018 ■ Том 8

Главный редактор

Д.Х. ВАЛЕЕВ
(Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия)

Зам. главного редактора

М.В. ФЕТЮХИН
(Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия)

Ответственный секретарь

М.Р. ЗАГИДУЛЛИН
(Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия)

Редакционный совет

Т.Е. АБОВА (Институт государства и права РАН, Россия);

А.Т. БОННЕР (Московский государственный юридический университет, Россия); Е.А. БОРИСОВА

(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия); Е.В. ВЕРШИНИНА

(Московский государственный институт международных отношений (университет), Россия);

Н.А. ГРОМОШИНА (Московский государственный юридический университет, Россия); О.В. ИСАЕНКОВА

(Саратовская государственная юридическая академия, Россия); Л. КАДЬЕ (Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна, Франция); П.В. КРАШЕНИННИКОВ

(Государственная Дума РФ, Россия); Е.В. КУДРЯВЦЕВА

(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия); Е.И. НОСЫРЕВА

(Воронежский государственный университет, Россия); М. ОРТЕЛЛС РАМОС (Университет Валенсии, Испания); Ю.А. ПОПОВА (Кубанский государственный университет, Россия); К.Х. ВАН РЕЕ (Университет Маастрихта, Голландия); И.В. РЕШЕТНИКОВА (Уральский государственный юридический университет, Россия); Т.В. САХНОВА (Сибирский федеральный университет, Россия); Э. СИЛЬВЕСТРИ (Университет Павии, Италия); Ю.В. ТАЙ (Московский государственный институт международных отношений (университет), Россия); М.К. ТРЕУШНИКОВ (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия); Я. ТУРЛУКОВСКИ (Варшавский университет, Польша); А. УЗЕЛАЦ (Загребский университет, Хорватия); В.М. ШЕРСТЮК (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия); М. ШТЮРНЕР (Университет Констанца, Германия); Н. ЭНДРЮС (Кэмбриджский университет, Великобритания); В.Ф. ЯКОВЛЕВ (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия); В.В. ЯРКОВ (Уральский государственный юридический университет, Россия)

Редакционная коллегия

С.Ф. АФАНАСЬЕВ (Саратовская государственная юридическая академия, Россия); В.Г. ГОЛУБЦОВ (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия); Д.Н. ГОРШУНОВ (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия); С.Л. ДЕГТЯРЕВ (Уральский государственный юридический университет, Россия); М.О. ДОЛОВА (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Россия); С.К. ЗАГАЙНОВА (Уральский государственный юридический университет, Россия); О.В. ЗАЙЦЕВ (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия); А.Н. КУЗБАГАРОВ (Санкт-Петербургский университет МВД, Россия); А.А. ПАВЛУШИНА (Самарский государственный экономический университет, Россия); Е.Г. СТРЕЛЬЦОВА (Московский государственный юридический университет, Россия); А.Р. СУЛТАНОВ (ОАО «Нижнекамскнефтехим», Россия); Р.В. ШАКИРЬЯНОВ (Верховный суд Республики Татарстан, Россия); А.В. ЮДИН (Самарский государственный университет, Россия)

Помощник главного редактора Е.В. Базилевских
Выпускающий редактор О.В. Виноградова
Переводчик Е.В. Базилевских
Дизайн и верстка: ИП Резниченко А.С.
Интернет-поддержка: ИП РФ. Закиров
Отдел подписки: vgrp@vgrp.ru

Журнал «Вестник гражданского процесса» выходит три раза в полугодие. «Вестник гражданского процесса» зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Per. № ФС77-47144 от 03 ноября 2011 г. ISSN 2226-0781

Издатель: ООО «Издательский дом В. Ема»
119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 92, корп. 2.
Тел.: +7 (495) 649 18 06; www.civpro.org

Журнал «Вестник гражданского процесса» индексируется в Российском индексе национального цитирования (Россия), Ulrich's periodicals directory (Нью-Джерси, США), а также в RSCI Web of Science (Нью-Йорк, США).

Перепечатка материалов из журнала «Вестник гражданского процесса» допускается только с согласия Издателя. Ссылка на источник опубликования обязательна. Издатель или Редакция не дают справок и консультаций и не вступают в переписку. Рукописи не возвращаются. Учредитель, Издатель не несет ответственности за содержание рекламы и объявлений.

Мнения, высказываемые в публикациях авторов, не обязательно отражают официальную точку зрения организаций, которые они представляют.

Журнал «Вестник гражданского процесса» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата юридических наук.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ АПОСТИЛИРОВАНИЯ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ИНОСТРАННЫХ ДОКУМЕНТОВ В РОССИЙСКОМ АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Д.А. ФЕДЯЕВ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса юридического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета

DOI: 10.24031/2226-0781-2018-8-2-293-309

Российским арбитражным судам при рассмотрении споров, возникающих из отношений, осложненных иностранным элементом, приходится оценивать допустимость принятия в качестве доказательства документов, имеющих иностранное происхождение. Признание Россией как правопреемницей СССР Гаагской конвенции 1961 г., отменяющей требование легализации иностранных официальных документов, обнаружило неоднозначное понимание национальными судами требований легализации иностранных документов, назначения и сути процедуры проставления апостиля. В частности, обнаруживаются избыточные требования об апостилировании иностранных документов в отсутствие к тому нормативно обоснованной необходимости. Прежде всего это связано с неверным восприятием иностранных коммерческих документов как судами, так и участвующими в деле лицами. Последние во избежание неблагоприятных последствий в виде отказа в признании доказательственного значения письменного доказательства, имеющего иностранное происхождение, предпочитают перестраховываться. Автором статьи поднимается вопрос квалификации упомянутой Гаагской конвенцией 1961 г. документов, происходящих от иностранных компаний, и выясняется, в каких случаях требуется их апостилирование. В подтверждение неоднозначности подходов к оформлению такого рода коммерческих документов приводится отсутствие единого мнения среди специалистов, а также примеры противоречивой судебной практики. С учетом анализа положений Гаагской конвенции 1961 г., норм российского права автор приходит к выводу об отсутствии требования об обязательном апостилировании неофициальных документов.

Ключевые слова: арбитражный процесс; легализация; апостилирование; допустимость письменных доказательств; иностранные документы.

ON THE NEED TO APOSTILLE INFORMAL FOREIGN DOCUMENTS IN RUSSIAN ARBITRATION PROCEDURE

D.A. FEDYAEV,

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure
of the Faculty of Law of the Perm State University

When considering disputes arising from relations complicated by a foreign element, Russian courts need to assess the admissibility of accepting documents of foreign origin as evidence. When Russia joined the Hague Convention, which abolished the requirement of legalization of foreign official documents of 1961, there was an ambiguous understanding of the requirements for the legalization of foreign documents, the purpose and essence of the apostille procedure by the national courts. In particular, there are excessive demands for apostillization of foreign documents in the absence of a substantiated necessity in the standards. First of all, this is due to the incorrect qualification of foreign commercial documents both by courts and by persons participating in the case. The latter prefer to be reinsured in order to avoid adverse consequences in the form of refusal to accept written evidence from a court of foreign origin. The author raises the question how the wording of the 1961 Hague Convention should qualify documents originating from foreign companies and whether they are required to be apostilled. As a confirmation of the ambiguity of the approaches to registration of such commercial documents, there is a lack of common opinion among specialists, as well as there are some examples of conflicting judicial practice. Taking into account the analysis of the provisions of the 1961 Hague Convention and the norms of Russian law, the author comes to the conclusion that there is no mandatory requirement for apostilling unofficial documents.

Keywords: arbitration procedure; legalization; apostillization; admissibility of written evidence; foreign documents.

При рассмотрении российскими арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом, помимо вопросов определения компетенции суда и подведомственности российскому суду спора с участием иностранных лиц, идентификации и определения статуса иностранных лиц – участников арбитражного процесса, уяснения содержания применимых коллизионных норм, норм иностранного права определенную сложность представляет соблюдение требований к направляемым в суд документам, составленным на территории иностранных государств.

Вынесенный в заголовок статьи термин «иностранные документы» может показаться юридически не совсем полным. Правильнее было бы вести речь о «документах, составленных на территории иностранных государств» или, например, о «документах иностранного происхождения», «документах, полученных в иностранном государстве», «документах, исходящих от иностранных лиц». Тем не менее в целях сокращения далее будем также использовать обобщенный термин «иностранные документы», присутствующий в специальной литературе и в судебной практике¹.

Участие в арбитражном процессе иностранных лиц предполагает представление ими в арбитражный суд в качестве доказательств по делу документов, полученных в иностранном государстве. В отличие от составленных на территории Российской Федерации документы иностранного происхождения в силу ч. 6 ст. 75 и ч. 1 ст. 255 АПК РФ признаются в арбитражном суде письменными доказательствами в некоторых случаях только после прохождения определенных дополнительных процедур, подтверждающих их достоверность и подлинность². В связи с этим перед арбитражным судом возникает проблема определения допустимости данного типа письменных доказательств.

Во избежание негативных последствий, связанных с судебским усмотрением и как следствие риском отказа в признании доказательства допустимым, участники арбитражного процесса перестраховываются, представляя любые иностранные документы, в том числе не отвечающие критерию официальных, обеспечив не только их надлежащий перевод на русский язык, но и апостилирование³ по правилам Гаагской конвенции, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов, заключенной в г. Гааге 5 октября 1961 г. (далее – Конвенция об отмене легализации 1961 г.).

Попробуем выяснить, насколько такая предусмотрительность оправдана и не является ли она излишней.

Надлежит отметить, что подобного рода опасения далеко не беспочвенны. Ранее этому способствовали как мнения, высказывавшиеся в юридической лите-

¹ См., например, п. 39 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // СПС «КонсультантПлюс» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г.).

² Кольцов А.А. Участие иностранных лиц в российском арбитражном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 24.

³ Отметим, что в специальной литературе ранее использовался также термин «апостиляция», что, вероятно, является транслитерацией с англ. «*apostillation*». См. например: Кенсовский П.А. Легализация и признание документов иностранных государств. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 40. В современной литературе, правоприменительной практике, руководящих разъяснениях Верховного Суда РФ преимущественно используется термин «апостилирование». Хотя встречаются и исключения. См., например: Воронцова И.В. О некоторых вопросах представительства иностранных граждан в арбитражных судах Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 7. С. 18.

ратуре¹, так и противоречивая судебная практика. В некоторых случаях не требуя апостилирования иностранных документов², Высший Арбитражный Суд РФ нередко указывал на отсутствие апостиля на документах, исходящих от иностранных юридических лиц, как на неустранимый порок, лишаящий документ доказательственного значения³. Хотя зачастую это приводилось в качестве сопутствующего довода⁴, тем не менее подобная позиция имела место.

Поводом для такого подхода могло послужить буквальное содержание ч. 6 ст. 75 АПК РФ, в которой указано, что *любой документ, полученный в иностранном государстве*, признается в арбитражном суде письменным доказательством, только если он легализован в установленном порядке. Исключение сделано для иностранных официальных документов, которые признаются в арбитражном суде письменными доказательствами без их легализации в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации (ч. 7 ст. 75 АПК РФ). Корреспондирующее нормативное установление предусмотрено в ч. 1 ст. 255 АПК РФ, предполагающей только две процедуры, допускающие принятие российскими арбитражными судами документов, выданных, составленных или удостоверенных по установленной форме компетентными органами иностранных государств: легализация или проставление апостиля.

Из этого напрашивается крайне неприятное для участников процесса предположение, что, поскольку указанные нормы не содержат в отношении документов, не являющихся официальными, каких-либо отсылок к иному порядку, предусмотренному международным договором, специальное правило об освобождении от легализации в соответствии с международными договорами применимо только к официальным документам.

Как минимум складывается впечатление, что российский законодатель неохотно допускает попадание в арбитражный процесс документов, имеющих иностранное происхождение, иными способами, кроме как через консульскую легализацию – для стран, не являющихся участницами Конвенции об отмене легализации 1961 г., или апостилирование – для стран, к данной Конвенции присоединившихся.

Не столь часто рассматривая дела с иностранным элементом (кроме, пожалуй, арбитражных судов Москвы, Московской области и приграничных регио-

---

¹ См., например: *Беляева Н.Г.* Особенности рассмотрения дел с участием иностранных лиц в арбитражном суде: Практическое пособие. М.: Норма; Инфра-М, 2012. С. 128; *Гукасян Т.Э.* К вопросу о допустимости в арбитражный процесс документов, составленных в иностранных государствах // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 8. С. 27.

² См., например, постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 декабря 1998 г. № 3234/98, от 5 октября 2004 г. № 2823/04 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См., например, определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2008 г. № 17179/08 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См., например, определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 марта 2013 г. № ВАС-2822/13 // СПС «КонсультантПлюс».

нов), российские арбитражные суды еще буквально два-три года назад нередко, проявляя чрезмерную осмотрительность, требовали от участников процесса обеспечить легализацию любых иностранных документов, в том числе неофициальных, включая договоры, доверенности, деловую переписку и проч. Под легализацией при этом судами понималось проставление апостиля.

Делая небольшое отступление, отметим, что, строго говоря, называть данную процедуру легализацией по Конвенции об отмене легализации 1961 г. не совсем корректно, так как проставление апостиля как раз заменило значительно более сложную консульскую легализацию. Примечательно, что в ч. 1 ст. 255 АПК РФ во фразе «при наличии легализации указанных документов или проставлении апостиля» используется союз «или», что с точки зрения используемой законодателем юридической техники означает равноуровневость этих понятий, не соотносящихся друг с другом как общее и частное.

В свете ст. 2 Конвенции об отмене легализации 1961 г. в специальной литературе под легализацией традиционно подразумевается только формальная процедура, используемая дипломатическими или консульскими агентами страны, на территории которой документ должен быть представлен, для удостоверения подлинности подписи, качества, в котором выступало лицо, подписавшее документ, и, в надлежащем случае, подлинности печати или штампа, которыми скреплен этот документ¹.

Однако встречается и более широкое определение легализации. Так, П.А. Кенсовский предлагает под легализацией понимать любую правомерную деятельность управомоченных органов публичной власти государства, направленную на установление, свидетельствование, подтверждение подлинности имеющихся на документах печатей и подписей компетентных должностных лиц и их соответствия требованиям закона страны их происхождения². С ним солидаризируются и некоторые авторы более поздних публикаций³. Как видим, в последнем случае апостилирование входит в понятие легализации.

Порой складывалось впечатление, что суды рассматривали апостиль как обладающий некой правовой магией знак, презумпцию, освобождающую от необходимости проверки достоверности содержания документа. Однако это глубоко ошибочное заблуждение, так как для судьи в арбитражном процессе после проверки апостиля на предмет соответствия требованиям Конвенции об отмене легализации 1961 г. могут считаться установленными только подлинность подписи лица на апостилированном документе, его статус, а также подлинность

---

¹ См.: *Ерпылева Н.Ю., Клевченкова М.Н.* Правовая помощь в международном гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 12. С. 42; *Буркова А.Ю.* О необходимости апостиля на коммерческих документах // Закон. 2009. № 11. С. 215.

² *Кенсовский П.А.* Указ. соч. С. 24.

³ *Воронцова И.В.* Указ. соч. С. 18.

печати. Все иные свойства и обстоятельства, отраженные в апостилированном документе, подлежат оценке, как и для любого другого документа. Необходимо разграничивать подтверждение происхождения документа и достоверность его содержания. Последняя должна оцениваться по общим правилам оценки доказательств (ст. 71 АПК РФ).

Наличие апостиля не может предрешать оценку достоверности содержания документа. Так, отменяя постановлением от 15 ноября 2012 г. № Ф09-9944/12¹ судебные акты нижестоящих судов, ФАС Уральского округа указал, что вопреки доводам стороны по делу они необоснованно уклонились от проверки полномочий лица, подписавшего доверенность, сославшись на наличие апостиля как на доказательство выдачи доверенности в полном соответствии с законодательством Ирландии.

Вероятнее всего, отсутствие апостиля на неофициальных иностранных документах рассматривается арбитражными судами как проблема идентификации лица, от которого эти документы исходят, предпосылка для злоупотребления при представлении доказательства, когда подтвердить статус лица, приобщающего это доказательство, весьма затруднительно. Допускаем риск подписания документа (доверенности, уведомления, письма или процессуального документа, например отзыва на исковое заявление по делу) не тем лицом, которое указано в реквизитах, в том числе в неправомерных целях. Так, именно отсутствие печати организации, удостоверяющего нотариального акта нотариуса Англии и апостиля на представленном в материалы дела одобрении агента на передачу полномочий по подписанию иска позволило Первому арбитражному апелляционному суду усомниться в полномочиях представителя на подписание искового заявления и повлекло оставление иска без рассмотрения². При этом Суд не задался вопросом о необходимости оттиска печати на такого рода документе согласно личному закону юридического лица (ст. 1202 ГК РФ), от которого одобрение исходило, когда, например, по российскому законодательству печать не является обязательным реквизитом.

В юридической литературе высказываются основанные на анализе правоприменительной практики опасения относительно возможности использования отсутствия обязанности апостилирования исходящих от иностранных участников процессуальных и иных неофициальных документов в противоправных целях, в том числе в ущерб интересам самих иностранных участников³. В исследованиях на рассматриваемую тему высказывается точка зрения о том, что отсут-

¹ Постановление ФАС Уральского округа от 15 ноября 2012 г. по делу № А60-35896/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 18 июля 2017 г. по делу № А43-1114/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Швец С.В. Легализация и перевод иностранных документов в судопроизводстве // Наука и современность. 2012. № 15-4. С. 195–199.

ствие необходимой легализации неофициальных документов может вызвать у суда затруднения в оценке этих письменных доказательств, в связи с чем даже формулируются предложения о введении законодательно обязательной процедуры легализации для неофициальных иностранных документов¹.

Однако аналогичные опасения можно распространить и на документы, исходящие от российских участников процесса, особенно процессуального характера, на которых оттиск печати организации обычно не ставится, когда у арбитражного суда точно так же нет возможности убедиться, что, например, отзыв на исковое заявление или ходатайство по делу подписаны именно тем лицом, от которого исходят.

Думается, следуя методологическому принципу «бритвы Оккама», рекомендуя не множить сущее без необходимости, более правильной будет позиция, состоящая в том, что с учетом состязательности арбитражного судопроизводства (ст. 9 АПК РФ), а также разъяснений в п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. с момента получения извещения о рассмотрении дела иностранное лицо самостоятельно контролирует появление в деле подложных процессуальных документов, в действительности от него не исходящих, и несет связанные с принятием соответствующих мер реагирования риски. В таком случае решающее значение приобретает осведомленность иностранного лица об инициировании судебного разбирательства.

Если заведомо ставить под сомнение происхождение любого процессуального документа: искового заявления, отзыва на исковое заявление, ходатайства или заявления от того лица, которое в нем указано, то это возложит на суды дополнительную нагрузку в виде проверки данного обстоятельства, что существенно осложнит судебное разбирательство.

Тем не менее вернемся к обозначенному выше вопросу о том, какого рода легализация подразумевается в ч. 6 и 7 ст. 75 АПК РФ. Учитывая, с одной стороны, то обстоятельство, что, например, в соответствии с ч. 2 ст. 27 Консульского устава РФ² консульская легализация производится исключительно в отношении официальных документов, а с другой – что консульская легализация является наиболее сложной и трудоемкой юридической процедурой придания доказательственной силы иностранным документам, вряд ли именно такую постановку вопроса имел в виду законодатель в отношении документов частного (коммерческого) характера, исходящих от юридических и физических лиц. Поэтому более приемлемой видится точка зрения, состоящая в том, что общее правило о легализации, установленное ч. 6 и 7 ст. 75 АПК РФ, относится только к офици-

¹ См.: *Агаларова М.А.* Процессуальные особенности участия иностранных лиц в гражданском судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. С. 149–150.

² Федеральный закон от 5 июля 2010 г. № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 28. Ст. 3554.

альным документам, составленным в иностранном государстве, и неприменимо в отношении документов неофициальных¹.

Убедительно придерживается данного подхода А.А. Кольцов, приводя в качестве аргумента несоответствие обратного сложившейся мировой практике легализации документов, а также положениям национальных консульских уставов². Поддержку этой позиции находим в п. 39 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г., в котором подробно разъясняется порядок принятия арбитражными судами в качестве доказательств официальных документов из другого государства, в том числе без их легализации в случаях, предусмотренных Конвенцией об отмене легализации 1961 г. Какие-либо специальные требования о легализации неофициальных документов в разъяснениях не приводятся. Аналогичного мнения придерживался ранее и Высший Арбитражный Суд РФ в разд. VII³ постановления Пленума от 11 июня 1999 г. № 8 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса» (далее – Постановление Пленума ВАС РФ № 8).

Однако отсутствие до недавнего времени четких разъяснений высших судебных инстанций относительно необходимости апостилирования неофициальных документов, исходящих от иностранных компаний, порождало неопределенность судебной практики. Арбитражные суды нередко отказывали в признании доказательственного значения за документами, не имеющими апостиля, в том числе ставились под сомнения полномочия представителя, если они подтверждались не апостилированной доверенностью⁴.

Свою лепту в неразбериху, как могли, вносили и российские ведомства. Так, например, из письма ГТК РФ от 17 мая 1995 г. № 01-13/6885 «О применении иностранных документов на территории Российской Федерации» следует, что действие Гагской конвенции об отмене легализации 1961 г. не распространяется на административные документы, имеющие прямое отношение к коммерческой или таможенной операции, к которым Государственный таможенный комитет РФ, в частности, отнес: доверенности на совершение сделок, перемещение товаров через границу, договоры (контракты) о поставке товаров и предоставлении услуг, о выполнении различных работ и расчетов по ним. Из этого был сделан вывод, что данные документы должны легализовываться обычным (по мнению ГТК РФ), т.е. консульским, путем. Данное разъяснение просу-

---

¹ Лукасян Т.Э. Указ. соч. С. 29.

² Кольцов А.А. Указ. соч. С. 25.

³ Раздел утратил силу в связи с принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г.

⁴ См., например, постановления ФАС Дальневосточного округа от 5 мая 2003 г. № Ф03-А51/03-1/880, ФАС Западно-Сибирского округа от 13 февраля 2002 г. № Ф04/409-76А/А27-2002, ФАС Уральского округа от 11 ноября 2003 г. № Ф09-3220/03-ГК // СПС «КонсультантПлюс».

ществовало шесть лет и утратило силу в связи с изданием приказа Федеральной таможенной службы от 31 мая 2011 г. № 1143.

В целом арбитражные суды все-таки придерживались противоположной позиции, что согласно п. «с» ст. 1 Конвенции об отмене легализации 1961 г. она распространяется на официальные документы, в том числе нотариальные акты. Документы, исходящие от коммерческих организаций, в том числе доверенности, не относятся к официальным документам, если только они не удостоверены нотариально¹.

Это согласуется с позицией Специальной комиссии по практическому применению Гагских конвенций об апостиле, вручении документов, получении доказательств и доступе к правосудию (далее – Специальная комиссия по применению Гагских конвенций), напомнившей, что целями Конвенции об отмене легализации 1961 г. являются отмена требования о легализации и облегчение использования *официальных документов* за границей², т.е. Конвенция не преследует цели регулирования обращения документов неофициальных.

Встречались в судебной практике и довольно любопытные суждения на этот счет, уходящие в другую крайность, правда, порой не сразу поддающиеся осмыслению: «Отсутствие апостиля на документе ведомства иностранного государства не может обязательно свидетельствовать о его недействительности и быть опороженным в качестве письменного доказательства согласно требованиям статьи 60 Арбитражного процессуального кодекса РФ... Следовательно, проставление апостиля является *правом требования*, а не обязательным условием достоверности документа иностранного государства». В итоге документы, не имеющие апостиля, Суд в качестве доказательства принял, с чем мы не можем согласиться, так как, судя по фабуле дела, документы исходили от ведомства, т.е. носили официальный характер, а значит, требовали апостилирования³.

Видимо, учитывая частоту разногласий, возникавших у нижестоящих судов, в признании полномочий представителя иностранных компаний, именно на примере доверенности, выданной от иностранного лица представителю для защиты интересов в арбитражном суде, в п. 27 информационного письма от 9 июля 2013 г. № 158 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц» Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ на конкретном примере показал, что такая доверенность не является официальным документом и по общему правилу не требу-

¹ См., например, постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 декабря 1998 г. № 3234/98, от 5 октября 2004 г. № 2823/04, ФАС Уральского округа от 15 ноября 2012 г. № Ф09-9944/12 // СПС «КонсультантПлюс».

² Пункт 77 Заключений и рекомендаций Специальной комиссии (приняты в г. Гааге 2–12 февраля 2009 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 3 марта 1999 г. по делу № Ф04/420-48/А46-99 // СПС «КонсультантПлюс».

ет обязательного удостоверения в виде консульской легализации или проставления апостиля. Проставление апостиля необходимо только на нотариальном акте, удостоверяющем доверенность, в случае, если таковой наличествует.

Следует признать, что после упомянутого Обзора данный подход получил надежное обоснование в судебной практике нижестоящих судов. Так, в постановлении от 25 мая 2016 г. № Ф09-3950/16 Арбитражный суд Уральского округа со ссылкой на Обзор указал, что, поскольку доверенность на представителя выдана от имени частного иностранного юридического лица генеральным директором, подпись последнего, согласно Гаагской конвенции об отмене легализации 1961 г. (ст. 1), не требует обязательного удостоверения в виде консульской легализации или проставления апостиля¹.

Вероятно, с одной стороны, в целях сохранения преемственности, с другой – подчеркивая значимость проблемы подтверждения полномочий представителей иностранных компаний, Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 27 июня 2017 г., также взяв за образец доверенность, выданную от иностранного лица представителю для защиты интересов в арбитражном суде, показал, что такая доверенность не является официальным документом и по общему правилу не требует обязательного удостоверения в виде консульской легализации или проставления апостиля, если не содержит отметок официальных органов иностранного государства (п. 41).

Однако тут же имеется оговорка, что суд в случае сомнений в отношении подлинности подписи, статуса лица, подписавшего доверенность, вправе запросить дополнительные доказательства, подтверждающие полномочия лица, участвующего в деле, например нотариально удостоверенную доверенность с проставленным апостилем или легализационной надписью консульского должностного лица. Это не совсем понятно с учетом того, что согласно п. 19, 20 того же Постановления, устанавливая юридический статус иностранной компании, суд определяет лицо, имеющее полномочия действовать от имени юридического лица без доверенности, в том числе полномочия на подписание доверенности от имени юридического лица. Допускаем, что подобные сомнения были бы более уместны в отношении доверенностей, выдаваемых физическими лицами, но в силу положений ч. 7 ст. 61 АПК РФ такие доверенности по общему правилу подлежат удостоверению нотариально, а наличие официального нотариального акта предполагает необходимость проставления апостиля.

Косвенным аргументом в пользу необязательности апостилирования неофициальных иностранных документов является неопределенность, возникающая относительно неофициальных документов, исходящих от иностранного лица, но составленных по тем или иным причинам на территории Российской Феде-

---

¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25 мая 2016 г. по делу № А60-31868/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

рации¹, что может явно следовать из их содержания, например, на это указано в реквизитах доверенности. Напомним, в ч. 6 и 7 ст. 75, а также в ст. 255 АПК РФ говорится о легализации и апостилировании документов, полученных, выданных, составленных или удостоверенных в иностранном государстве. Как видим, на документы, составленные на территории России, указанные нормы о легализации и апостилировании не распространяются. Получается, что к ним применимы общие процессуальные правила.

Вместе с тем дифференцированный подход к признанию доказательственного значения одного и того же по содержанию неофициального документа, исходящего от иностранного лица, в зависимости от места его составления – на территории Российской Федерации либо за ее пределами был бы несколько странным и нелогичным.

Выскажем опасения, что оговорка в абз. 2 п. 41 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. может стать серьезным поводом для дезавуирования наметившейся тенденции по снижению требовательности судов к апостилированию доверенности, подтверждающей процессуальные полномочия представителя иностранной организации. Подобный подход будет еще более спорным, если его применять к прочим иностранным неофициальным документам (договорам, письмам, процессуальным и т.п.).

Анализ судебной практики показывает, что затруднения судов в применении положений об апостилировании документов, составленных на территории иностранных государств, связаны прежде всего с неверным определением статуса иностранного документа в качестве официального.

При разграничении документов на официальные и неофициальные к первым согласно формальным положениям Конвенции об отмене легализации 1961 г. необходимо относить: документы, исходящие от органа или должностного лица, подчиняющихся юрисдикции государства, включая документы, исходящие от прокуратуры, секретаря суда или судебного исполнителя; административные документы; нотариальные акты; официальные пометки, такие как отметки о регистрации; визы, подтверждающие определенную дату; заверения подписи на документе, не засвидетельствованном у нотариуса (ст. 1 Конвенции).

В п. 72 упомянутых выше Заключений и рекомендаций, принятых в г. Гааге 2–12 февраля 2009 г., Специальная комиссия по применению Гаагских конвенций отметила, что список официальных документов, приведенных в ст. 1 Конвенции об отмене легализации 1961 г., не является исчерпывающим. Сделано это для создания предпосылок к расширению перечня документов, на которые распространяется Конвенция и в отношении которых отменяется требование консульской легализации. Определение официального характера документа зависит от при-

---

¹ Здесь имеются в виду документы, исходящие даже не от обособленных подразделений, а именно от самого юридического лица.

менимого права. В самой Конвенции отсутствует указание на закон, который будет определять официальный характер документа. Однако в п. 72 Заключений и рекомендаций Специальной комиссии отмечено, что официальный характер документа определяется по законодательству государства его происхождения.

Например, норма российского законодательства – ст. 5 Федерального закона от 28 ноября 2015 г. № 330-ФЗ «О проставлении апостиля на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации»¹, определяющая перечень официальных документов, не дает основания для отнесения к таковым коммерческих (частных) документов, исходящих от юридических или физических лиц.

То обстоятельство, что документы любого рода, связанные с осуществлением субъектом предпринимательской и иной экономической деятельности и составленные на территории иностранного государства (договоры, счета, товарно-транспортные документы, переписка и т.п.), не являются официальными документами и, следовательно, по общему правилу не требуют обязательного удостоверения в виде консульской легализации или проставления апостиля, нашло окончательное подтверждение в п. 24 Обзора практики разрешения судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12 июля 2017 г.

Таким образом, требование легализации, а также апостилирования как основание признания за документами, составленными на территории иностранных государств, статуса письменных доказательств в арбитражном процессе относится только к официальным иностранным документам, но не к составленным в частном порядке (неофициальным), если, разумеется, иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации.

Неофициальные документы получают доказательственную силу при гораздо меньших формальностях, в частности только при наличии надлежащим образом заверенного перевода на русский язык (ч. 2 ст. 255 АПК РФ). Вопрос о том, какой перевод следует считать «надлежащим», нуждается в дополнительном освещении и не охватывается предметом настоящей публикации. Очевидно, что если документ, например доверенность или письмо, составлен на русском языке, то никаких дополнительных действий с ним для представления в арбитражный суд в качестве доказательства не требуется вообще.

Сказанное следует относить в равной мере и к частным документам, исходящим от физических лиц. По крайней мере не видим каких-либо убедительных причин, чтобы сделать исключение в отношении последних.

Вместе с тем в уже упоминавшемся здесь постановлении от 18 июля 2017 г. по делу № А43-1114/2017 Первый арбитражный апелляционный суд не признал полномочия представителя истца на подписание искового заявления по той причине,

---

¹ СЗ РФ. 2015. № 48 (ч. I). Ст. 6696.

что представленное в материалы дела одобрение агента на передачу полномочий по подписанию иска не сопровождается удостоверяющими нотариальными актами нотариуса Англии и не апостилировано. Исковое заявление оставлено без рассмотрения. Как ни странно, позиция апелляционного суда была поддержана Верховным Судом РФ в определении от 10 января 2018 г.¹, т.е. уже после выхода Обзора судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц, от 9 июля 2013 г.

Это подтверждает сохранение противоречивых подходов и стремление судов при любых сомнениях склоняться к необходимости апостилирования неофициальных документов, исходящих от иностранных компаний.

Однако на практике участники судебного разбирательства нередко сами создают себе лишние затруднения, когда во избежание сомнений относительно принадлежности подписи лица, подписавшего неофициальный документ, представляют в арбитражный суд нотариально удостоверенную подпись уполномоченного лица на документе, например доверенности, который сам по себе такого подтверждения не требует. В результате совершения нотариального акта неофициальный документ становится официальным, требующим апостилирования в соответствии с Конвенцией об отмене легализации 1961 г. Так, решая в деле о банкротстве вопрос по заявлению иностранной компании, учрежденной на территории Кипра, о включении в реестр требований кредиторов российской организации-банкрота, Арбитражный суд Московского округа в определении от 22 мая 2017 г. поддержал позицию нижестоящих судов в том, что представленные кредитором нотариально заверенные копии документов, заверенные нотариусом Грузии, без надлежащего порядка, установленного Конвенцией об отмене легализации 1961 г., в виде проставления апостиля компетентным органом государства, в котором этот документ был совершен, являются недопустимыми доказательствами².

Аналогичная ситуация может иметь место, если иностранным нотариусом удостоверялся перевод документа. В то же время при удостоверении перевода на русский язык неофициального документа, имеющего иностранное происхождение, российским нотариусом никакого апостилирования не потребуются.

По тем же причинам возможны проблемы с признанием в качестве допустимого доказательства копии иностранного неофициального документа, заверенной иностранным нотариусом или, как это принято в юридической практике некоторых стран, адвокатом, даже несмотря на то, что их представление допускается при разрешении спора в иностранном суде по месту заверения³. Напри-

¹ Определение Верховного Суда РФ от 10 января 2018 г. № 301-ЭС17-15980 // СПС «Консультант-Плюс».

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 мая 2017 г. № Ф05-14966/2016 по делу № А40-178034/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Костин А.А. Условия допустимости отдельных видов доказательств, полученных в иностранных государствах // Закон. 2015. № 9. С. 160.

мер, в постановлении ФАС Западно-Сибирского округа от 8 октября 2013 г. по делу № А27-19552/2012 судом были возвращены копии договора купли-продажи ценных бумаг, заверенные с помощью показаний под присягой адвоката (аффидевит), данных в Окружном суде Никосии.

Несмотря на то что, как отмечено выше, доверенность представляет собой частноправовой документ и сама по себе апостилированию не подлежит, в специальной литературе еще до принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г.¹ отмечалось, что у суда могут возникнуть вопросы при определении полномочий лица, подписавшего доверенность представителю. В связи с этим высказывалась рекомендация производить нотариальное удостоверение доверенности (если в объем полномочий нотариуса входит проверка полномочий лица, подписывающего доверенность от имени организации) и последующее апостилирование нотариального акта как наиболее эффективное средство для разрешения указанных трудностей².

Как уже было отмечено выше, учитывая обязанность суда по установлению юридического статуса иностранного лица, что предполагает определение его органов управления, подобные рекомендации видятся избыточными.

Рассматривая вопрос о необходимости апостилирования неофициальных иностранных документов, нельзя не подчеркнуть, что легализации или проставления апостиля в некоторых случаях не требуется даже для официальных иностранных документов, если международным договором Российской Федерации предусмотрены отмена или упрощение этих процедур, когда имеет место так называемый национальный правовой режим подтверждения юридической силы иностранного документа³.

Специальная комиссия по применению Гаагских конвенций в п. 77 Заключений и рекомендаций, принятых в г. Гааге 2–12 февраля 2009 г., напомнила о том, что согласно ст. 3(2) Конвенции об отмене легализации 1961 г. проставления апостиля не требуется, если законодательство, регламенты или практика, действующие в государстве предъявления документа, либо договор или иное соглашение, заключенные между государством происхождения и государством предъявления документа, отменяют или упрощают требование об апостиле или освобождают документ от соблюдения требования о легализации.

На данное обстоятельство в свое время обращалось внимание арбитражных судов в п. 5 информационного письма Президиума Высшего Арбитражно-

¹ Здесь подразумевается п. 41 Постановления, согласно которому суд в случае сомнений в отношении подлинности подписи, статуса лица, подписавшего доверенность, вправе запросить дополнительные доказательства, подтверждающие полномочия лица, участвующего в деле.

² Грядов А.В. Вопросы применения Гаагской конвенции 1961 г., отменяющей требование легализации иностранных официальных документов // Закон. 2012. № 8. С. 55.

³ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В.В. Яркова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 1011 (автор комментария – В.В. Ярков).

го Суда РФ от 25 декабря 1996 г. № 10 «Обзор практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц» и в утратившем силу п. 26 Постановления Пленума ВАС РФ № 8.

Например, в соответствии с наиболее часто упоминаемой в связи с этим ст. 6 Соглашения стран СНГ «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» (совершено в г. Киеве 20 марта 1992 г.) документы, выданные или засвидетельствованные учреждением или специально уполномоченным лицом в пределах их компетенции по установленной форме и скрепленные официальной печатью на территории одного из государств – участников СНГ, принимаются на территории других государств – участников СНГ без какого-либо специального удостоверения. Документы, которые на территории одного из государств – участников СНГ рассматриваются как официальные документы, пользуются на территории других государств – участников СНГ доказательной силой официальных документов.

Можно также привести далеко не единичные примеры аналогичных двусторонних международных договоров России, в том числе как правопреемника СССР, с иностранными государствами. Такие договоры действуют с Республикой Албания, Алжирской Народной Демократической Республикой, Азербайджанской Республикой, Республикой Болгария, Венгерской Республикой, Социалистической Республикой Вьетнам, Китайской Народной Республикой, Корейской Народно-Демократической Республикой, Монгольской Народной Республикой, Республикой Румыния, Республикой Молдова, Латвийской Республикой, Чешской Республикой и др.

С практической точки зрения это означает, что в отношении неофициальных документов, составленных на территории указанных государств, действует национальный режим и требование о проставлении апостиля недопустимо ни под каким предлогом, в том числе даже при наличии у суда сомнений в отношении подлинности подписи или статуса лица, подписавшего документ, как это сказано в п. 41 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г.

Подводя итог, выскажем мнение, что разумным и прогрессивным направлением развития арбитражной практики является минимизация требований к допуску в арбитражный процесс в качестве доказательств неофициальных документов иностранного происхождения, в том числе категоричное подтверждение отсутствия необходимости их апостилирования или тем более консульской легализации. Неплохо, если это будет подкреплено внесением изменений в ч. 6 ст. 75 АПК РФ путем ограничения ее распространения только на официальные документы. Остается надеяться, что с учетом имевших место в 2017 г. разъяснений Верховного Суда РФ арбитражные суды снимут неоправданные требования относительно апостилирования неофициальных иностранных документов, представляемых участниками процесса.

References

Agalarova M.A. *Protsessual'nye osobennosti uchastiya inostrannykh lits v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Procedural Features of Participation of Foreign Persons in Civil Proceedings]: Thesis Diss. Candidate of Legal Sciences. Saratov, 2017. (In Russian)

Belyaeva N.G. *Osobennosti rassmotreniya del s uchastiem inostrannykh lits v arbitrazhnom sude: Prakticheskoe posobie* [Features of the Litigation of the Cases Involving Foreign Persons in the Arbitration Court: A Practical Guide]. Moscow, 2012. (In Russian)

Burkova A.Yu. *O neobkhodimosti apostilya na kommercheskikh dokumentakh* [On the Need for Apostille on Commercial Documents]. *Zakon = Law*, 2009, no. 11. (In Russian)

Gryadov A.V. *Voprosy primeneniya Gaagskoj konventsii 1961 g., otmenyayushchej trebovanie legalizatsii inostrannykh ofitsial'nykh dokumentov* [The Application of the Hague Convention of 1961, Abolishing the Requirement of Legalization of Foreign Official Documents]. *Zakon = Law*, 2012, no. 8. (In Russian)

Gukasyan T.E. *K voprosu o dopustimosti v arbitrazhnyj protsess dokumentov, sostavlennykh v inostrannykh gosudarstvakh* [Admissibility of Documents Drawn Up in Foreign Countries in Arbitration Procedure]. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij protsess = Arbitration and Civil Procedure*, 2012, no. 8. (In Russian)

Kensovsky P.A. *Legalizatsiya i priznanie dokumentov inostrannykh gosudarstv* [Legalization and Recognition of Documents of Foreign States]. St. Petersburg, 2003. (In Russian)

Koltsov A.A. *Uchastie inostrannykh lits v rossijskom arbitrazhnom protsesse* [Participation of Foreign Persons in Russian Arbitration Procedure]: Thesis Diss. Candidate of Legal Sciences. Saratov, 2004. (In Russian)

Kostin A.A. *Usloviya dopustimosti i otdel'nykh vidov dokazatel'stv, poluchennykh v inostrannykh gosudarstvakh* [Conditions of the Admissibility of Certain Types of Evidence Obtained in Foreign States]. *Zakon = Law*, 2015, no. 9. (In Russian)

Vasilchikova N.A. *Proizvodstvo po delam s uchastiem inostrannykh lits v rossijskikh sudakh: teoriya i praktika* [Proceedings on Cases Involving Foreign Persons in Russian Courts: Theory and Practice]: Thesis Diss. Candidate of Legal Sciences. St. Petersburg, 2003. (In Russian)

Shvets S.V. *Legalizatsia i perevod inostrannykh dokumentov v sudoproizvodstve* [Legalization and Translation of Foreign Documents in Proceedings]. *Nauka i sovremenost' = Science and Modernity*, 2012, no. 15-4. (In Russian)

Vorontsova I.V. *O nekotorykh voprosakh predstavitel'stva inostrannykh grazhdan v arbitrazhnykh sudakh Rossijskoj Federatsii* [Some Issues of Representation of Foreign Persons in Arbitration Courts of the Russian Federation]. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij protsess = Arbitration and Civil Procedure*, 2017, no. 7. (In Russian)

Yarkov V.V. (ed.) *Kommentarij k Arbitrazhnomu protsessual'nomu kodeksu Rossijskoj Federatsii (postatejnyj)* [Commentary to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation (Clause-by-Clause)]. 3rd ed. Moscow, 2011. (In Russian)

Yerpyleva N.Yu., Klevchenkova M.N. *Pravovaya pomoshch' v mezhdunarodnom grazhdanskom protsesse* [Legal Assistance in International Civil Procedure]. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij protsess = Arbitration and Civil Procedure*, 2011, no. 12. (In Russian)

Information about the author

Fedyaev D.A. (Perm, Russia) – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure of the Faculty of Law of the Perm State University (614068, Perm, Dzerzhinskogo St., Bldg. 2, Room 80; e-mail: fedyaev@perm.ru).

Recommended citation

Fedyaev D.A. *K voprosu o neobkhodimosti apostilirovaniya neofitsial'nykh inostrannykh dokumentov v rossijskom arbitrazhnom protsesse* [On the Need to Apostille Informal Foreign Documents in Russian Arbitration Procedure]. *Вестник гражданского процесса = Herald of Civil Procedure*, 2018, no. 2, p. 293–309. (In Russian) DOI: 10.24031/2226-0781-2018-8-2-293-309